

УДК 821.161.1+821.571-134(045)

*М.И. Крюкова***ЕЩЕ РАЗ О МОТИВЕ «ОЖИВАЮЩЕЙ СТАТУИ»:
КИТАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ П.В. ШКУРКИНА¹**

В статье рассматривается мотив «оживающей статуи» в китайских легендах, составленных синологом П.В. Шкуркиным. Проснувшиеся статуи в китайской культуре не несут губительной функции. Благодаря молитвам ожившее божество становится защитником просящих. Изучены интертекстуальные типологические переклички с произведениями Пушкина, Мережковского и Грина, указаны аналогии с мифами Древней Греции. Обнаружено, что исследуемый мотив встречается и в произведениях других дальневосточных писателей (М. Щербаков, А. Хейдок). Метаморфозы, происходящие со скульптурным персонажем, носят двойственный характер: герои когда-то были людьми, после стали местными богами и продолжили свое существование в виде статуй. Их статичность преодолевается в чрезвычайной ситуации, а затем они снова застывают, выполнив свое предназначение. Выявлено, что в китайских легендах и преданиях, описанных Шкуркиным, мотив «оживающей статуи» является сюжетообразующим, продолжает традицию живых изображений в литературе.

Ключевые слова: Шкуркин, китайские легенды, мотив «оживающей статуи», статика, динамика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-882-888

Мотив оживающей статуи достаточно частотен для мировой литературы. «Статуя – в отличие от произведения живописи – в силу своей трехмерности столь приближается к своей модели, что неживой мир почти полностью исключается из круга скульптурных тем: скульптурный натюрморт не мог бы адекватно передать явственной антиномии между изображением и изображаемым объектом, которая содержится и снимается в любом художественном знаке. Лишь противопоставление безжизненной, неподвижной массы, из которой вылеплена статуя, и подвижного, одушевленного существа, которое статуя изображает, создает достаточную отдаленность изображения и изображаемого» [12, с. 167]. Подобные характеристики статуи будто объясняют нарушение ее статичности и последующее движение.

О.М. Фрейденберг в работе «Миф и литература древности» объясняет происхождение понятия изображения: «Вторичность (по отношению к действительности) иллюзии рано породила в античном уме представление об искусстве как о “слепке” с действительности, сделанном силой божества, позже – умелыми руками человека» [7, с. 320]. В создании скульптуры, как кажется, участвует что-то мистическое или божественное, объясняющее последующие метаморфозы и преодоление бездейственности.

Статуи пробуждаются в мифах и легендах разных народов. В мифе о Пигмалионе художник молится богине Афродите. Но оживает не сама богиня, а его творение. Пигмалион сделал статую красивой девушки: «Как живая, стояла эта статуя в мастерской художника. Казалось, она дышит; казалось, что вот-вот она задвигается и заговорит» [3, с. 53]. Обычно одним из условий движения изваяния является его сильное сходство с объектом действительности. Широко известен кидский миф, формирование которого Р. Шульц связывает с периодом борьбы раннего христианства с язычеством и идолопоклонством, – своего рода «христианская антитеза античному мифу о Пигмалионе, где Афродита соединяет влюбленных» [9, с. 8]. Статуя оживает ради любви.

Есть в мифах и статуи-защитники. Талос, по одной из версий, «бронзовый витязь, данный Зевсом Европе для охраны острова Крит. <...> Он не допускал иностранцев на остров, кидая в них камнями» [11, с. 549]. Живая статуя – защитник острова от иноземного вторжения. В мифах Древней Греции Афина Паллада – «защитница городов, непобедимая воительница; считалось, что она охраняет Троию» [3, с. 44].

К мотиву «оживающей статуи» обращались дальневосточные писатели, которые создавали свои произведения, находясь в Китае, где сказывалось влияние местной культуры. Павел Васильевич Шкуркин (1868-1943), русский востоковед и переводчик, в своих странствиях изучал китайскую мифологию и фольклор. О работе П.В. Шкуркина по собиранию и публикации фольклора писали А.А. Хисамутдинов, А.А. Забияко, И.А. Дябкин, С. Чжоу и др. «Шкуркин был ученым-практиком

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

<...> Он много путешествовал по Северной и Южной Маньчжурии, по Центральному и Южному Китаю, общался с обычными маньчжурами и китайцами <...> Быт и нравы самых разных социальных слоев и этнических сообществ Поднебесной Шкуркин изучил досконально – об этом свидетельствует тематический диапазон его публикаций («Китайские рассказы и легенды» (1917), «Китайские легенды» (1921), «Легенды в китайской истории» (1922), «Тонкая ива: Китайская повесть для дам и идеальных мужчин» (1922), «Хунхузы: Этнографические рассказы» (1924) и многое другое)» [2, с. 281].

В 1921 г. была издана книга П.В. Шкуркина «Легенды и предания Китая». В сборник вошли эпизоды из истории «Трех царств», легенды о знаменитых врачах, южно-китайские, маньчжурские, корейские и туркестанские легенды, а также предание о Белой Змее, в основе которого лежат реальные исторические факты. В легендах, обработанных Шкуркиным, появляется статуя-защитник, представляющая собой божество.

Р.Г. Назиров отмечает, что «античная статуя нередко выступала в роли материально воплощенного бога-покровителя (лат. *genius loci*). Поэтому завоеватели увозили из покоренных стран их культовые статуи и фетиши. Прогресс античного скептицизма вынудил жрецов предпринимать попытки оживления фетишистской традиции. Античные авторы сообщали о статуях богов, которые в момент жертвоприношения поднимались, благословляя жертвователя. Механика этого трюка несложна (скрытая система блоков); техника эпохи эллинизма уже создала первые паровые двигатели (Герон Александрийский). Для нас интереснее побудительные причины этих изобретений. Видимо, по мере вытеснения непосредственной веры эстетическим отношением к религии жрецы устройством таких чудес стремились поразить воображение толпы, реанимировать ее древние суеверия и наглядно доказать одушевленность культовых статуй» [5, с. 24]. Но, в основном, статуи в литературе проявляют кинетическую энергию не под действием механизма, а из-за божественных или мистических сил.

Модификации сюжетов с участием изваяний приведены в исследованиях Н.М. Солнцевой, которая подытоживает, что «ожившая статуя – причина ужаса, страха потерять жизнь, или счастье, или свободу, как в «Шагах Командора» (1912) А. Блока. Изваяние либо адаптировано к нашему существованию, либо вносит в него свои законы, либо является проводником высшей воли. Сюжет о статуе, если воспользоваться термином рецептивной эстетики, – пример как горизонта ожидания, так и авторского своеволия» [6, с. 34].

Благодаря исследованию Р.О. Якобсона появился миф о губительной статуе. Литературовед объясняет процесс пробуждения скульптуры от статичного сна: «Условное пространство статуи сливается с реальным пространством, в которое статуя помещена, и вопреки ее вневременной сущности невольно возникает представление о том, что предшествовало изображаемому состоянию и что должно за ним последовать; статуя включается во временную последовательность событий» [12, с. 167]. Таким образом, статуя приходит в движение, становится персонажем и влияет на ход событий. Р.О. Якобсон, анализируя характерные свойства статуи в символике А.С. Пушкина, пришел к выводу: «ожившая статуя в противоположность призраку является орудием злой магии, она несет разрушение и никогда не является воплощением женщины». [12, с. 173]

Однако движущиеся изваяние часто имеет положительную коннотацию и становится героем-защитником, в том числе женского пола. Именно такая ее функция встречается в легендах и преданиях, составленных П.В. Шкуркиным. Начало легенды «Защитник» напоминает мифы Древней Греции об Олимпе, о великих богах, которые «обитают где-то там на небесах» [8, с. 140]. Бог Лао-е является не только богом войны, но скорее защитником, оберегающим от иноземцев. Как и во многих странах, в Китае тоже есть храмы со статуями богов. В одной из деревень Лао-е похож на огромную статую Зевса, сидящего на троне. В описании присутствуют динамические черты: левая рука «разглаживает длинную черную прядь волос, растущих ниже левого уха; ... шелковые одежды – все производит на проходящих сильное впечатление» [8, с. 140]. Изваяние описывается как уже живой персонаж.

В легенде подчеркнуто, что статуя сделана из простой глины. Материал отсылает к иудейскому преданию о големе, глиняной статуе, которую создал раввин и каббалист Лёв. Подразумевалось, что голем станет помощником и защитником еврейского народа. Но он был уничтожен из-за потери контроля и агрессивного поведения. Похожий сюжет с оживающей глиняной статуей встречается в русской сказке А. Толстого о глиняном парне. Старик вылепил из глины паренька, который после высыхания становится живым: разговаривает, ходит и просит еды. Из-за неуемного аппетита парень съедает всех, кто встает на пути. Истуканы наделяются человеческими чертами: внешностью, способностью к движению, но в них нет души, способной направить на праведный путь.

Просыпается в истории, описанной Шкуркиным, и изображение Лао-е в храме около Гань-яо. К нему с просьбой отогнать врагов, грозящих пойти войной на китайский народ, обращаются молящиеся. Первоначально подчеркнута статичность изваяния: «неподвижный лик божества» [Там же, с. 142]. Но будто выслушав многочисленные молитвы, бог решает помочь людям. И вскоре Лао-е, обращенный лицом на юг, повернулся на восток, символизируя направления угрозы, японское вторжение. Статуя была огромных размеров, никто из людей не смог бы ее передвинуть, «да так, чтобы нигде не было ни малейшего повреждения, даже одежды не измяты» [8, с. 143], она пришла в движение сама. Упоминание неизмятой одежды наталкивает на мысли об описании живого человека, а не изваяния с высеченными твердыми одежаниями. Местные жители даже считали, что бог ожил и всю ночь защищал их от врагов, поэтому у статуи «пот градом лился с чела» [8, с. 143]. И если поворот статуи остался без свидетелей, то капли пота, которые текли по лицу Лао-е, жители видели. Вера в своего защитника вдохновила китайские власти на решительные переговоры, в результате которых Япония отступила. Легенда завершается словами о том, как помог Лао-е китайцам. Ожившая статуя выступает в роли заступника, и, поскольку войны так и не было, отсутствует губительная функция изваяния.

Если у Пушкина «умерший воплощается в статуе: командор в своем памятнике, Петр – в Медном Всаднике, звездочет в золотом петушке – и наказывает непокорного смельчака» [12, с. 150], то в легендах Китая в храме просыпается статуя, божество, сущность которого отвечать на молитвы просящих. Еще одной причиной отзывчивости бога может быть его прошлое: «есть боги, которые когда-то людьми жили на земле... к ним молитва доходчивее...» [8, с. 140]. Возможно, активность скульптур объясняет бессмертность богов: они жили, затем превратились в статуи, но чтобы продолжить свое предназначение действуют, нарушая твердую ипостась. По преданию, Лао-е (господин) – самый близкий к людям бог. И в маленьких деревнях есть его храм, никем не охраняемый, «его хранит сам Господин» [8, с. 140]. Бог, олицетворенный в изваянии, становится защитником собственного храма, будто вечно недремлющий страж.

В стихотворении П. Вяземского «Петербург», которое тоже «входит в литературный фон “Медного Всадника”, – Петр на памятнике Фальконе, с одной стороны, неподвижный, вечный страж, отражающий врагов своим холодным каменным обликом; с другой стороны, он готов обрушиться на них с крутой скалы» [12, с. 169]. Несмотря на благородную роль заступника, следствием его защиты часто является месть и погибель.

В статье «Сюжет об оживающей статуе» Р.Г. Назиров анализирует роман А. Грина «Бегущая по волнам»: «Как Медный всадник стал центральным символом Петербурга, так статуя легендарной девушки, спасительницы погибающих кораблей, превращена у Грина в главный символ экзотического портового города, окруженный народной любовью» [5, с. 35]. Герою романа Гарвею рассказывают легенду о девушке, которую считают заботящейся о потерпевших крушение. Легенда становится явью, когда Бегущая по волнам спасает Гарвея в море, подбодрив и вселив надежду на скорое спасение. Второй раз защищает Гарвея уже ожившая статуя Бегущей. Мятежники пытаются разрушить скульптуру, которую заслоняет собой Гарвей. И тогда статуя приходит в движение, рукой отводит опасность. Статуя является лишь защитницей, месть не обрушивается на мятежников, лишь рушится сооружение, созданное, чтобы разбить скульптуру. «Оживающая статуя в романе Грина по своему значению синтез и душа города (*genius loci*), и защитница верного поклонника, мстительница за кощунство. Бегущая наделена таинственной силой обаянием женственностью, но в ней нет ничего телесного, земного. Морская легенда о Фрэнси Грант – это замаскированная житейная легенда, а статуя Бегущей – это, в сущности, покровительница города верных, чистых душ, т.е. как бы статуя Девы» [5, с. 36]. Статуя словно божественная защитница, ей не поклоняются, она не стоит в храме, но она пробуждается при чрезвычайном происшествии, чтобы помочь тем, кто в нее верит.

Всего одно видимое движение совершает и статуя в китайской легенде, но именно оно влияет на дальнейшие события, вселяя силы и уверенность в людей.

Грин в своем романе преобразует и смешивает религиозные и мифические традиции. Р.Г. Назиров пишет: «Сплетая целый ряд религиозно-фольклорных и чисто литературных мотивов в единый сюжет, Грин творчески преобразует их и внутри авантюрного романа актуализирует жанр легенды. Грин дал сказочно просветленную и гуманизованную версию легендарного сюжета об оживающей статуе – еще одно свидетельство того, что долговечность сюжетов возможна только в изменениях и что старые сюжетные традиции могут быть практически бесконечным» [5, с. 37].

В рассказе Грина «Редкий фотографический аппарат» представлена еще одна статуя женщины: «Жители прозвали статую “Ленивой Матерью” и с суеверным страхом обходили ее. Как бы то ни было, это ничтожное каменное отражение давно прошедшей и давно мертвой жизни волей судьбы и бога уничтожило двух людей» [1, с. 477]. Хотя статуя не воплощает божество, вмешательство всевышнего все же присутствует, наделяя ее карательной силой. В начале рассказа герой, попавший в грозу, искал у статуи защиту, но встретил свою смерть: из-за денег его застрелил старый Бартон. После убийства приходит кара: «Волна белого огня молнии, сопровождаемая потрясающим небесным ударом, одела статую с вершины до земли жгучей, сверкающей пеленой, и Бартон, потеряв сознание, ткнулся лицом в землю» [1, с. 479]. С небес будто гневается бог и через статую вершит наказание. Однако Бартон не умирает, на его коже, куда ударила молния, остается «рисунок синего цвета, похожий на старинные фотографии; контуры его были расплывчаты, но до странности походили на всем известную статую “Ленивой Матери”». Поднятые вверх руки статуи обозначались особенно ясно. Внизу с раскинутыми руками и ногами лежал человек» [1, с. 481]. Вскинутые вверх руки статуи будто олицетворяют просьбу скульптуры, направленную в небеса. Статуя не убила, лишь наказала, Бартону одевают ручные кандалы.

Статуя женщины появляется в рассказе «Песнь торжествующей любви» дальневосточного писателя А. Хейдока. Герой рассказа рисует в воображении картину, посвященную Великой Матери Мира, которую представляет статуей из белого мрамора: одна ее рука указывает на небо, другая приподнята, чтобы под нее вставали молящиеся. Художник представляет статую божеством, к которому обращаются влюбленные юноши и девушки. Герой начал рисовать задуманное после встречи с девушкой: процесс был сложным, вместо статуи ему виделась в картине возлюбленная. Художник так и не завершил картину, рассказ заканчивается, когда девушка отвечает на его чувства. Герой грезил о картине в ожидании любви, ему самому было необходимо помолиться статуе Великой Матери. А когда он нашел ту, которую ждал, то картина забылась. Тем не менее, воображаемое изваяние в рассказе становится покровительницей влюбленных.

В маньчжурской легенде Шкуркина «Бай Хуа да-цзян. Девушка-воевода» появляется ожившая статуя женщины-воина, которая защищает китайское войско. Гигантская Гуань-ди восседала на троне в храме; ей молится воин. И хотя в легенде нет признаков движения самой статуи, и вначале она описана как «бесстрастная» [8, с. 132], что подчеркивает ее статичность, женщина-воин все же оживает: из храма выезжает на своем коне в сопровождении воинов, наказывая мятежников. Размеры статуи и воинов будто перекликаются: изваяние – гигантское, воины – высокие, на крупных конях и с большими мечами и копьями. Легенда заканчивается словами о том, что Бай Хуа да цзян «защитила... и наказала» [8, с. 133].

Восставшая богиня является заступницей войска и мстит нарушителям порядка. Несмотря на то, что Бай Хуа была женщиной, в легенде подчеркнута ее стремление к военной жизни. В детстве она предпочитала куклам и нарядам игры с мальчиками в разбойники, в юности была «больше похожа на солдата» [8, с. 130]. Ее долгое время воспринимали как молодого воина, благодаря своим военным талантам она смогла дослужиться до звания гусай-да (полковника) и всю свою жизнь посвятила службе. Поэтому статуи-защитники в легендах Китая воспринимаются как боги войны, мужественные воители.

В произведениях Грина ожившие статуи, в основном, принадлежат женщинам. Но в новелле «Убийство в Кунст-Фише» появляется статуэтка самурая, которая скорее несет возмездие и смерть, одновременно защищая честь супруга, справедливо подозревающего жену в измене. Подаренная статуэтка наблюдает за девушкой глазами мужа, а, убедившись в преступлении, убивает влюбленных. Самурай становится своего рода тотемом мужа (или его сторожем), душа мужа воплощается в нем, превращается в статую, которая в темноте оживает и губит влюбленных, подобно Каменному гостю А.С. Пушкина, приглашенному на свидание Дон Гуана и Анны. Грин обыгрывает двойное превращение: из динамичного состояния – в статичное, а потом снова в динамичное. Статуя вершит правосудие и наказывает неверную жену и ее возлюбленного.

В Китае был написан рассказ «Иринари» восточного эмигранта М.В. Щербакова, который, как и Шкуркин, много путешествовал и делал переводы с китайского языка. В тексте пробуждается статуэтка маленькой фаянсовой лисички, которую герой забирает из молеленки, где лисичка выполняла функции идола, защищая рисовые поля в Японии. С тех пор героя преследуют неудачи и бедствия, и каждый раз лисица является с просьбой: «Отдай божка!.. Поставь обратно!..» [10, с. 109]. Ставшая оживленной ста-

туэтка мстит за опустошение миниатюрного храма и не дает герою покоя, пока он не вернет лису на место. Найти ту самую молеленку непросто, что продлевает наказание. Тем не менее, первоначальная роль у статуэтки была защищать рисовые поля. Она одушевляется и несет кару за злодеяние, но, возможно, с целью снова возобновить свое предназначение, вернуться и встать на защиту урожая.

В историях, собранных Шкуркиным, для оживления статуи необходимы одинаковые условия: горячие молитвы, бедственное положение и просьба отчаявшегося. В легенде «Защитник» перед статуей плачет сухой старик, просящий мирного будущего для своего внука, в истории о женщине-воеводе к изваянию обращается воин Дэ и молится так в первый и последний раз в жизни.

Похожий результат обращения к божеству встречается в стихотворении Д. Мережковского «Сакья-муни». Бездомные и измотанные бродяги приходят в храм, в поисках убежища. Они решают украсть бриллиант на каменной статуе Будды. Но природные стихии откидывают их назад, божество гневается. Тогда один из воров выступает с речью о том, что Бог не должен быть мстительным, а милостивым.

Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли,
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий бог лежал в пыли! [4, с. 16]

Статуя просыпается, но не несет гибель пришедшим, наоборот, спасает их от будущего голода и нищеты. Однако без пылкой речи лирического героя статуя могла остаться равнодушной и бездвижной. Неслучайно поэт вводит восточные мотивы в свой текст: Будда видится защитником немощных и несчастных, а европейские боги, воплощенные в прекрасных статуях, – сильны, равнодушны и губительны для человека.

В китайской легенде, описанной Шкуркиным, «Белая змея» приходит в движение скульптура Будды. Можно отметить переплетение религиозных и мифологических линий. Герой, чтобы искупить вину, должен пройти испытание в темной пещере. Наставник дает ему напутствие: «Смело ступай вперед; отбрось всякий страх, в который тебя будут вселять духи тьмы, и, думая только о Будде, иди. <...> Но помни: ни под каким видом не возвращайся и не оборачивайся назад: иначе гибель твоя неизбежна» [8, с. 218]. Герой напоминает Орфея, спустившегося в ад, которому тоже запрещали смотреть назад. В пещере Хань Вэн видит статуи буддийских святых и духов, которые казались почти живыми и готовыми к движению. «Все фигуры были так жизненны, законы перспективы были соблюдены так точно, что все эти процессии, поклонения, суды, наказания были так правдивы, так естественны, что казались не произведениями искусства, а застывшей, остановившейся жизнью» [8, с. 218]. Пещера превращается в храм, искупление вины возможно через обращение к богу, молитве.

И одна статуя все же оживает. «Веки Будды дрогнули и глаза медленно поднялись на него; полный спокойствия властный взгляд проник ему в сердце. Стоявшая перед Буддой статуя монаха медленно подняла руку с кадила» [8, с. 218]. От страха герой бежит вперед и вскоре выходит из туннеля и попадает в «Ханчжоу, “Небесный” город» [8, с. 221]. Герой прошел испытание и будто попал на небо. Статуя Будды не стала карать или защищать, возможно, лишь подтолкнула герой к истинному направлению.

Таким образом, оживающая статуя не всегда приносит гибель или месть. Распространенным является сюжет, в котором изваяние становится защитником и помогает героям в трудных ситуациях. В легендах и преданиях Китая, собранных Шкуркиным, статуя изображает божество, сущность которого отвечать на просьбы молящихся. Благодаря работе сиолога стало известно, что в культуре Китая встречается часто используемый в русской и европейской литературе мотив «оживающей статуи». Эта традиция прослеживается и в произведениях дальневосточных писателей (М. Щербаков, А. Хейдок). Метаморфозы, происходящие с первоначально статичными изваяниями или статуэтками, носят сюжетообразующий характер. Часто в текстах описано двойное превращение: герой (божество) становится статуей, а затем вновь приобретает динамические свойства, проявляя активность. Мотив «оживающей статуи» странствует по фольклору и литературе разных народов, впитывая окружающую культуру, трансформируясь в ней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грин А. С. Редкий фотографический аппарат // Грин А. С. Собрание сочинений в 6 томах. М.: Правда, 1980. Т. 3. С. 477-481.
2. Забияко А.А., Чжоу С. Сюжеты китайского народного театра в художественной этнографии П. В. Шкуркина (на материале «Китайских легенд») // Традиционная культура Востока Азии. Сборник статей научно-практической конференции с международным участием. Благовещенск, 2021. С. 280-289.
3. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. М.: Просвещение, 1975. 463 с.
4. Мережковский Д.С., З.Н. Гиппиус. Стихотворения. Таллин, 1992. 99 с.
5. Назиров Р. Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов. Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский университет, 1991. С. 24-37.
6. Солнцева Н.М. Сюжет о статуе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 2. С. 29-35.
7. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 896 с.
8. Шкуркин П.В. Легенды и предания Китая. М.: БИНОМ, 2020. 256 с.
9. Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München: Fink, 1985. 134 с.
10. Щербаков М. Иринари // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 105-111.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: ПОЛРАДИС, 1901. Т. 32. 965 с.
12. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 460 с.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Крюкова Маргарита Ивановна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
ФГБУ «Институт Филологии СО РАН»
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: iamdaisy@mail.ru

M.I. Kriukova

ON THE MOTIF OF «REVIVING STATUE»: P.V. SHKURKIN'S CHINESE LEGENDS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-882-888

The article deals with the motif of a «reviving statue» in Chinese legends compiled by the sinologist P.V. Shkurkin. Awakening statues do not have a destructive function in Chinese culture. Thanks to prayers, the revived deity becomes the protector of those who ask. The intertextual typological echoes with Pushkin, Merezhkovsky and Grin's works are studied, the analogies with the myths of Ancient Greece are indicated. It was found that the researched motif is also found in the other Far Eastern writers' works (M. Shcherbakov, A. Haydock). The metamorphoses that occur with the sculptural character have the dual nature: the characters were people once, then became local gods and continued to exist in the form of statues. Their static nature is overcome in an emergency, and then they freeze again, having fulfilled their destiny. It was revealed that in the Chinese legends and stories described by Shkurkin, the motif of a «reviving statue» is plot-forming, continuing the tradition of living images in literature.

Keywords: Shkurkin, Chinese legends, motif of «reviving statue», static, dynamics.

REFERENCES

1. Grin A.S. Redkij fotograficheskij apparat [Rare photographic apparatus] // Grin A. S. Sbranie sochinenij v 6 tomah [Collected works in 6 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1980. V. 3. P. 477-481. (In Russian).
2. Zabayako A.A., Chzhou S. Syuzhety kitajskogo narodnogo teatra v hudozhestvennoj etnografii P. V. Shkurkina (na materiale «Kitajskih legend») [The plots of Chinese folk theatre in P.V. Shkurkin's artistic ethnography (based on the material of «Chinese legends»)] // Tradicionnaya kul'tura Vostoka Azii. Sbornik statej nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Traditional culture of East Asia. Collection of articles of scientific and practical conference with international participation]. Blagoveshchensk, 2021. P. 280-289. (In Russian).
3. Kun N.A. Legendy i mify drevnej Grecii [Legends and myths of ancient Greece]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 463 p. (In Russian).
4. Merezhkovskij D.S., Z.N. Gippius. Stihotvoreniya [Poems]. Tallin, 1992. 99 p. (In Russian).
5. Nazirov R.G. Syuzhet ob ozhivayushchej statue [The plot about the reviving statue] // Fol'klor narodov Rossii. Fol'klor i literatura. Obshchee i osobennoe v fol'klоре raznyh narodov. Mezhvuzovskij nauchnyj sbornik [Folklore and literature. Common and special in folklore of different peoples. Interuniversity scientific collection].

- of the peoples of Russia. Folklore and Literature. General and special in the folklore of different peoples. Interuniversity scientific collection]. Ufa: Bashkirskij universitet, 1991. P. 24-37. (In Russian).
6. Solnceva N.M. Syuzhet o statue [The plot about statue] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism.]. 2014. № 2. P. 29-35. (In Russian).
 7. Frejdenberg O.M. Mif i literatura drevnosti [Myth and literature of antiquity]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008. 896 p. (In Russian).
 8. SHkurkin P.V. Legendy i predaniya Kitaya [Legends and traditions of China]. Moscow, BINOM Publ., 2020. 256 p. (In Russian).
 9. Shults R. Pushkin i Knidskij mif [Pushkin and the Cnidus myth]. München, Fink Publ., 1985. 134 p. (In Russian).
 10. Shcherbakov M. Irinari [Irinari] // SHcherbakov M. Odissei bez Itaki [Odyssees without Ithaca]. Vladivostok, Rubezh Publ, 2011. P. 105-111. (In Russian).
 11. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t. [Brockhaus and Efron's encyclopedic dictionary in 86 volumes]. St. Petersburg, POLRADIS Publ., 1901. V. 32. 965 p. (In Russian).
 12. Yakobson R.O. Raboty po poetike [Works about poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987. 460 p. (In Russian).

Received 17.01.2022

Kryukova M.I., Candidate of Philology, Junior Researcher
The Institute of Philology SD RAS
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090
E-mail: iamdaisy@mail.ru